

Вл. Трапезниковъ.

Первобытное населеніе
Сѣвера Россіи.

ВОЛОГДА.
Типографія П. А. Цвѣтова.
1916.

Первобытное население Сѣвера Россіи.

Человѣкъ въ душѣ мифологъ, поэтъ. Встрѣчаясь съ непонятнымъ для него явленіемъ природы, онъ стремится приписать это явленіе какой-нибудь чудесной причинѣ, дѣйствию какого-нибудь сверхъестественнаго существа и населяетъ природу цѣлымъ роемъ боговъ, духовъ и героевъ.

Домовые въ дому, лѣшіе въ лѣсу, водяные въ водѣ, русалки, кикиморы и другія сверхъестественныя существа высшаго и низшаго порядка кишатъ въ природѣ и являются, по представленію человѣческаго ума дѣятельными агентами, заправляющими явленіями природы. Грemitъ-ли громъ,—это по небу ѣдетъ Илья Пророкъ, началась-ли повальная болѣзнь,—это Касьянъ взглянулъ на міръ своимъ недобримъ глазомъ. Эта поэзія, эта мифологія одинаково свойственна, какъ древнему міру, такъ и современному, какъ языческому міросозерцанію, такъ и христіанскому укладу вѣры.

Но не одни явленія природы одухотворяетъ человѣкъ. Точно также поступаетъ онъ и съ непостижимыми для него явленіями и институтами социальными, относя ихъ появленіе и созданіе къ мудрости того или иного легендарнаго дѣятеля. Наприм., ни для кого изъ ученыхъ не представляется тайной, что нашему быту съ мужчиной-отцомъ во главѣ семьи предшествовалъ иной порядокъ, когда во главѣ семьи стояла мать, такъ наз. матриархатъ. Постепенно, подъ вліяніемъ чисто житейскихъ и жизненныхъ, главнымъ образомъ, экономическихъ условій, матриархатъ уступилъ мѣсто патриархату. Но въ представленіи народномъ создается фигура героя, полубога или бога, который своимъ велѣніемъ отмѣнилъ прежній порядокъ и замѣнилъ его новымъ. Такъ, у грековъ богу Посейдону приписывалось установленіе того порядка, при которомъ отецъ является главой семьи: и цѣлый длительный общественно-историческій процессъ, продолжавшійся, навѣрное, десятки и сотни лѣтъ, приуроченъ народной фантазіей къ единоличному распоряженію бога.

Въ Римѣ нѣкогда приносили въ жертву дѣтей, жизни которыхъ требовали злые духи Стриги. Но мало по малу этотъ обычай вымеръ, потому что онъ сталъ ниже культурнаго уровня того народа, среди котораго онъ существовалъ. И хотя обычай, какъ всякій обычай, вымеръ и могъ вымереть только постепенно,—народное творчество приписало уничтоженіе этого обычая богинѣ Карнѣ. Историческія легенды длительный историческій процессъ приурочиваютъ тоже къ индивидуальному историческому событію и рассказываютъ о томъ, что за принесеніе дѣтей въ жертву богамъ былъ царь Тарквиній, а добрый Брутъ спасъ ихъ отъ этой участи.

„Когда социальныя отношенія, говоритъ извѣстный социологъ Л. Гумпловичъ, развились настолько, что убійство стало наказываться и охрана жизни ближняго стала моральной заповѣдью,—тогда любовь человѣка къ мифологіи создаетъ Бога, который является въ пламени, среди блеска и грома для того, чтобы дать законодателю скрижали закона, на которыхъ стоятъ слова: не убій“.

Объясняя сверхъестественнымъ путемъ явленія природы и проявленія непонятныхъ для него физическихъ силъ, сводя общественныя явленія и институты права и морали къ повелѣніямъ сверхъестественныхъ личностей, человѣкъ является такимъ же мифологомъ и поэтомъ и въ области исторіи. Упираясь въ сѣдую отарину и доходя до временъ, за которыми лежатъ эпохи, не оставившія по себѣ никакихъ историческихъ свѣдѣній, человѣкъ набрасываетъ на нихъ покровъ таинственности и, поэтизируя эту таинственность, населяетъ эти эпохи чудесными народами, божественными, т. е. непостижимыми его уму племенами.

Такъ „отецъ исторіи“ Геродотъ, описывая извѣстныя ему страны, населяетъ невѣдомый и неизслѣдованный сѣверъ нынѣшней Россіи „блаженными гипербореями“. Такъ, Гомеръ оживляетъ невѣдомыя ему страны сѣвера, поселяя въ нихъ „вдали живущихъ икарійцевъ“, а на югѣ—пигмеевъ, сражающихся съ журавлями. Въ сказаніяхъ по географіи и космографіи даже ХVІІ вѣка чего только нѣтъ. Тамъ и мазическое царство дѣвичье, жительницы котораго сходятся съ эфіопами съ года на годъ: мужской полъ отдають эфіопамъ, въ ихъ землю, а женскій полъ оставляють. Тамъ и змѣи, у которыхъ лицо—дѣвичье: до пупа человѣкъ, а отъ пупа хоботъ змievъ, крылаты, а зовомы—василиски. Тамъ и люди астромови, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучево и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣста у нихъ запахъ есть, по то мѣсто и живутъ. Тамъ и люди монокули обѣ одной ногѣ, а коли солнце печетъ и они могутъ покрытися ногой, какъ лапой. (См. Кони. Петръ Великій и народное просвѣщеніе). Длительный процессъ образованія русскаго государства пытливая мысль поэта-историка свела къ призванію варяговъ, придавъ историческій колоритъ необъяснимымъ для лѣтописца явленіямъ давно минувшихъ временъ, и на зарѣ русской государственности поэтически настроенные бытописатели населили нѣмыя страницы нашей исторіи Кіями, Щеками, Хоривами, которые столь же фантастичны, какъ, можетъ быть, фантастичны братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Точно также новгородцы объясняли звѣриныя богатства сѣверныхъ странъ тѣмъ, что въ нихъ „спаде туча и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы то перво рожена, и възрастши и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча и спадають оленцы малы въ ней“. При этомъ это опозэтизированное богатство сѣвера устанавливается, какъ фактъ, доказанный, не подлежащій оспариванію, потому что мифической разсказъ пере-

дается со словъ „старыхъ мужей“, которые это явленіе „видевши сами на полунощныхъ странахъ“.

Рукописный сборникъ Соловецкой бібліотеки при Казанской Духовной Академіи XV в. (№ 844) содержитъ тоже достовѣрные, видѣнные своими очами рассказы одного новгородца о самоѣдахъ. По его словамъ, самоѣды дѣлятся на рядъ племень: самоѣды по пупъ мохнатая до долу, самоѣдъ—со ртомъ на темени, самоѣдъ, умирающая на зиму на одинъ или два мѣсяца, самоѣдъ, живущая въ землѣ, самоѣдъ безголовая, со ртомъ между плечами и глазами въ груди, стрѣляющая изъ желѣзныхъ трубокъ. (См. Н. А. Фирсовъ. Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи. Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака).

Подобныя же чувства руководили десятками историковъ и бытописателей, которые, доходя до древнѣйшихъ доисторическихъ эпохъ жизни сѣвера Россіи и не находя въ сѣдой древности уже никакихъ историческихъ фактовъ, могущихъ пролить свѣтъ на эту древность, обратились къ народнымъ фантастическимъ рассказамъ, сказкамъ и легендамъ и на пространствѣ нашего сѣвера водворили какой-то таинственный народъ, присвоивъ ему наименованіе „Чуди“, „Чудиновъ“, „Чудаковъ“, „сѣдящихъ по словамъ лѣтописи, въ Афетовѣ части“, т. е. въ части праотца Іафета.

По словамъ многочисленныхъ сказаній и преданій, этотъ народъ не вынесъ соприкосновенія съ русской культурой и при появленіи русскихъ закопался въ подземныя пещеры, подрубилъ укрѣплявшіе ихъ столбы и былъ погребенъ подъ обвалившимися сводами, исчезъ на всегда съ лица земли.

Что же такое представлялъ собою этотъ народъ доисторическаго времени, этотъ народъ, населявшій обитаемая нынѣ нами страны и безслѣдно исчезнувшій?—вотъ задача, надъ разрѣшеніемъ которой слѣдуетъ остановиться историкамъ сѣвера.

Для разрѣшенія этой задачи надлежитъ прежде всего обратиться къ тому матеріалу, которымъ располагаетъ исторія. Мифы и преданія, какъ-бы поэтичны и какъ-бы правдоподобны они ни были, не могутъ служить такимъ незыблемымъ матеріаломъ для разрѣшенія вопроса о первоначальномъ доисторическомъ населеніи сѣвернаго края. Надо поискать матеріаловъ иныхъ, безспорныхъ, неизмышленныхъ.

И такіе матеріалы имѣются.

Народы, жившіе во времена сѣдой древности, нерѣдко исчезаютъ съ лица земли, но послѣ нихъ остаются такіе трудно изгладимые слѣды и вещественные памятники, которые даютъ возможность будущимъ вѣкамъ судить о жизни давнопрошедшихъ. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежатъ различныя сооруженія и зданія, развалины которыхъ переживаютъ создавшій ихъ народъ, далѣе—различные предметы культа, домашней обстановки и орудія производства, не поддающіяся скорому тлѣнію и находимыя при археологическихъ раскопкахъ; затѣмъ—древнія названія мѣстностей и урочищъ, которыя послѣдующіе народы приняли отъ древнѣйшаго, и которыя

они употребляютъ, даже не понимая ихъ древняго смысла; наконецъ,—остатки старыхъ нравовъ и обычаевъ, живущихъ въ средѣ послѣдующихъ поколѣній, какъ переживаніе далекаго стараго общественнаго быта и строя, ставшаго уже „преданьемъ старины глубокой“

Народъ можетъ вымереть, исчезнуть съ лица земли, переселиться на другія болѣе привольныя мѣста, но онъ не уноситъ съ собой въ небытіе своихъ зданій и сооружений, онъ, переселяясь на другое мѣсто, оставляетъ на прежнемъ мѣстѣ жительства созданныя имъ сооруженія. Мы знаемъ Парфенонъ въ Афинахъ, Колизей въ Римѣ, мы знаемъ пирамиды и сфинксы въ Египтѣ, кропотливая работа ученыхъ возсоздала предъ нами матеріальную культуру Ассиріи и Вавилоніи, намъ не безъизвѣстны и на югѣ Россіи развалины Херсонеса Таврическаго, остатки античныхъ зданій около Керчи, наконецъ, знаменитыя палаты болгарскихъ царей въ предѣлахъ Казанской губерніи, по берегамъ р. Камы.

Все это—остатки прежнихъ давно отмершихъ и пережитыхъ культуръ.

У насъ на сѣверѣ нѣтъ такихъ остатковъ. Наши предшественники жили среди дремучихъ лѣсовъ, и лѣсъ былъ тѣмъ естественнымъ матеріаломъ, изъ котораго они строили свои жилища, свои дома, свои храмы. Земля была тѣмъ матеріаломъ, который служилъ для укрѣпленія городовъ. Поэтому у насъ не осталось ни Колизеевъ, ни Парфеноновъ, ни садовъ Семирамиды, ни чертоговъ Ассуръ-Бани-Бала, ни колоссовъ Родосскихъ, ни Бѣлыхъ Палатъ Булгарскихъ царей. Наша Чудь (будемъ пока такъ называть этихъ первобытныхъ жасельниковъ нашего края) оставила лишь города и деревни въ развалинахъ. Развалины зданій и строеній, созданныя изъ дерева, изъ лѣса,—сгнили, а курганы, городища изъ насыпанной для укрѣпленій земли остались по всему сѣверу.

Эти курганы и городища первобытнаго населенія сѣвернаго края надо искать, главнымъ образомъ, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Въ первобытную эпоху рѣки и рѣчки служили для населенія въ лѣтнее время, если и не единственными, то во всякомъ случаѣ самыми удобными путями сообщенія. Въ зимнее время передвиженіе совершалось на лыжахъ, но только при большой непреодолимой надобности, а передвиженіе всѣмъ племенемъ, расселеніе и, если такъ допустимо выразиться, колонизація шли только по рѣкамъ, этимъ естественнымъ артеріямъ земнаго тѣла.

И дѣйствительно, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ сѣвера мы находимъ пѣлый рядъ городищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя связаны съ древними обитателями края приложеніемъ къ нимъ опредѣленія — чудское городище. Таково, наприм., городище Чуд-Каръ на берегу р. Сысолы, Чудинъ городъ при рѣкѣ Сямженѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, описанное А. Засѣцкимъ въ 1782 г., насыпь при деревнѣ Чудной Починокъ по р. Городищной Сольвычегодскаго уѣзда, о которой было доложено на VII археологическомъ сѣздѣ въ Ярославлѣ, курганы Чуд-очу по рр. Вишерѣ и Кулому, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Чуд-гора въ Ибской волости, Устьсысольскаго уѣзда, Чуд-гу-

ремь въ Вильгортской волости, того-же уезда и т. д. Такия-же точно городища мы наблюдаемъ и въ Приуральѣ, въ мѣстности, именованной прежде „Пермь Великая“; слѣды о нихъ замѣтны и въ писцовыхъ книгахъ XVIII в.

Осмотръ всѣхъ этихъ такъ называемыхъ Чудскихъ городищъ даетъ основаніе къ предположенію, что ихъ обитатели жили не по одиночкѣ, а цѣлыми селеніями—городами и деревнями, и выбирали для своихъ поселковъ мѣста по берегамъ рѣкъ, считая неприступность жилья первымъ условіемъ выбора мѣста жительства. Археологъ Ивановъ, производившій раскопки сѣверныхъ городищъ въ 1879 г., пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Городища строились на высокихъ мѣстахъ, скаты искусственно дѣлались круче, у подножья горы, съ одной стороны, болото, съ другой—рѣка или озеро. Отъ смежной высоты городищенская площадка отдѣляется тройной системой валовъ, идущихъ отъ одного обрыва къ другому. Площадка—мала: на ней могло помѣститься не болѣе 10—30 дворовъ. Строенья могли быть только деревянныя: нигдѣ никакихъ слѣдговъ камня нѣтъ. Городища не разбросаны произвольно: они не стоятъ особнякомъ, напротивъ, они кучатся вмѣстѣ, отстоя одно отъ другого верствъ на 5—10“.

Въ этихъ городищахъ первобытное населеніе края жило или въ деревянныхъ домахъ или, пожалуй, скорѣе—въ землянкахъ. По крайней мѣрѣ, найденная въ Пермской губерніи рукопись „Описаніе новой земли сирѣчь Сибирскаго царства“ говоритъ, что тамъ дома устраиваются такъ: „Зимныя курты деревянныя въ земляхъ, аки въ погребахъ, отъ великихъ мразовъ“. Нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что населеніе нашего сѣвера пережило эту ступень матеріальной культуры.

Обращаясь къ названіямъ чудскихъ городищъ, можно подмѣтить на пространствѣ всего сѣвера наиболѣе частое для нихъ названіе „Чудское городище“ или „Чуд-каръ“. Это словосочетаніе невольно наводитъ на мысль, не есть ли слово „каръ“—обозначеніе на какомъ-либо языкѣ того, что мы именуемъ городищемъ, городомъ?

И дѣйствительно, слово „каръ“ или „коръ“ сохранилось въ названіяхъ многихъ селеній современнаго времени, но съ невѣдомыми для нашего языка и слуха корнями. Первый изъ городовъ, завоеванныхъ въ Чердынскомъ краѣ Москвой, былъ Ис-коръ, урочище, гдѣ въ Пермскомъ краѣ впервые обосновались Строгановы, былъ Пыс-коръ. Въ писцовыхъ книгахъ мы встрѣчаемъ Крым-коръ, Реди-коръ, Май-коръ, Дидь-коръ, Анюш-коръ, Кудым-коръ, на Оби и ея притокахъ исторія сообщаетъ намъ о рядѣ городовъ: Вай-каръ, Ур-каръ, Сус-коръ, Хюли-коръ, Шер-каръ, Нецгар-коръ, на Печорѣ—Кыдж-коръ и пр. Очевидно, „коръ“—суффиксъ, обозначающій населенное мѣсто, селеніе, городъ, аналогичный суффиксамъ „градъ“, „поль“, „бургъ“ въ языкахъ русскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ.

Въ книгѣ Лыткина „Зырянскій край и зырянскій языкъ“ мы находимъ и объясненіе, переводъ этого слова. „Каръ“, по словарю Лыткина, значитъ „городъ“, „гнѣздо“, при чемъ это слово одинаково звучитъ, какъ по-зырянски, такъ и по-пермяцки, и по-вотски: лучшее доказательство того, что

оно принадлежить къ древнимъ словамъ, къ словамъ той эпохи, когда еще не раздѣлились эти три родственные языка, а стало быть, когда пермяки, вотяки и зыряне составляли одинъ народъ, одно племя.

Все это даетъ почву для заключенія о томъ, что судя по названіямъ городищъ, они представляютъ остатки городскихъ сооруженій первобытнаго населенія сѣвера, раскинутого на пространствѣ современныхъ Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской губерній и принадлежащаго къ народности, изъ которой впоследствии выдѣлились вотяки, пермяки и зыряне (пра-пермская группа).

Слово „каръ“ въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ нынѣшняго времени ярко показываетъ, какъ древнія названія мѣстностей и урочищъ послѣдующія поколѣнія и народы принимаютъ отъ первобытныхъ насельниковъ края, даже не понимая ихъ смысла.

Вглядываясь въ названія многочисленныхъ поселковъ сѣвера, можно подмѣтить, что многія изъ нихъ образовали свое названіе съ суффиксомъ гортъ: Виль-гортъ въ Пермской и Вологодской губ. Кам-гортъ, Куж-гортъ, Важ-гортъ, Ай-гортъ, Кар-гортъ—въ Пермской губ., Важ-гортъ, Кар-гортъ, Раз-гортъ, Рар-гортъ—въ Вологодской губ. Названіе „Каръ-гортъ“, содержащее корень „каръ“, свойственный языку пра-пермской группы народностей, показываетъ, что и слово „гортъ“ принадлежить тому же языку. И дѣйствительно, обращаясь къ словарю Лыткина, мы найдемъ, что слово „гортъ“ значитъ—домъ, изба, деревня.

Наконецъ, цѣлый рядъ урочищъ, населенныхъ мѣстъ и городовъ образуютъ свои названія при посредствѣ суффикса „дынь“ или „динъ“. Таковы, Чер-дынь на притокахъ верхняго теченія Камы, столица Перми Великой, Іем-дынь—центръ Перми Старой или Вычегодской, впоследствии получившій названіе Усть-Вымъ, Чер-дынь въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Шер-дынь—въ Яренскомъ уѣздѣ, цѣлый рядъ селъ и деревень по р.р. Вычегдѣ и Сысолѣ и въ предѣлахъ нынѣшнихъ Устьсысольскаго, Яренскаго и Тотемскаго уѣздовъ: Ем-динъ, Неб-динъ, Мыел-динъ, Мал-динъ, Нем-динъ, Помоз-динъ, Пыел-динъ, Розъ-динъ, Чет-динъ, Чувки-динъ, Цыз-динъ.

Нерѣдко эти исконно-чудскія названія учрочищъ подвергаются обрусенію: Чаш-динъ въ Тотемскомъ уѣздѣ превращается въ Чаш-дин-о, Пырединъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ въ Пыре-дин-скую, Хал-дынъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ въ Хал-дын-скую, Рев-динъ въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Ревдин-скую.

Яркимъ и разительнымъ примѣромъ этого обрусенія является урочище Глядень, подъ Великимъ Устюгомъ. Такъ называется гора, гдѣ стоитъ Троицко-Гляденскій монастырь. Эта гора считается колыбелью нынѣшняго Устюга: по преданію Устюгъ зародился на этой горѣ, откуда съ высоты древніе ея обитатели „глядѣли“ на необъятный просторъ. Такимъ образомъ, названіе горы звучитъ чисто по русски, а между тѣмъ нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что это—чисто чудское названіе. Поэтически настроенная мысль любитъ со всякимъ болѣе или менѣе замѣтнымъ урочищемъ связы-

вать мифъ, преданіе. Туземное названіе рѣки Шарденьга даетъ почву для сказанія о разбойникахъ, которые „шарили деньги“ у проѣзжающихъ, туземное названіе Тотьма даетъ основаніе для легенды о томъ, что царь Иванъ Грозный сказалъ про жителей города: „То тьма“, когда убѣдился въ ихъ дикости и некультурности. Но научная мысль не мирится съ этими наивными объясненіями происхожденія названій урочищъ. Глядень нельзя связывать съ высокой горой, съ которой „глядѣли“ уже потому, что стоять намъ развернуть „Списокъ населенныхъ мѣстъ въ Вологодской губ.“, какъ мы найдемъ Гледенскій мысъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ при р. Лалѣ, Гледень въ томъ же уѣздѣ при р. Городишнѣ по близости къ старинному чудскому городищу, дер. Гледено при р. Старой Тотмѣ въ Тотемскомъ уѣздѣ, пустошь Гледенець при р. Ножевкѣ въ Никольскомъ уѣздѣ, въ томъ же уѣздѣ при р. Хвойкѣ дер. Глединовскую, въ Кадниковскомъ уѣздѣ дер. Гледеново. Очевидно, такое названіе представляется очень распространеннымъ и вовсе не свойственнымъ специально горѣ близъ Устюга. Мало того, перейдемъ въ сосѣднюю Пермскую губ. и тамъ мы найдемъ Гледеновское городище близъ города Перми, давшее при раскопкахъ неисчерпаемый археологическій матеріалъ.

Поэтому надлежитъ разстаться съ поэтической легендой о томъ, какъ древніе новгородцы „глядѣли“ съ высокой горы и признать, что Гледень названіе чудское, туземное. Весьма вѣроятно, что это подвергшееся обрушенію слово Гле-дынъ—тѣмъ болѣе, что корень лед свойственъ языку древней Чуди, что видно изъ названія селенія Лед-енг-скъ и рѣки Лед-енга. „Дынъ“ на языкѣ пермяцкомъ, зырянскомъ значитъ „населенное мѣсто“.

Изъ этого обзорѣнія названій древнихъ урочищъ мы видимъ, что въ незапамятныя времена какое-то племя, какое-то населеніе называло избу или деревню — гортъ, укрѣпленное мѣсто, городъ — каръ, населенное мѣсто—дынъ.

Ютясь по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, это первобытное населеніе сѣвера прежде всего нуждалось въ обозначеніи собственнымъ именемъ той рѣчки, на берегу которой оно обосновалось, того естественнаго пути, по которому оно сообщалось со своими сосѣдями. И вотъ мы видимъ, что на громадномъ пространствѣ сѣвера Россіи проживала народность, образовывавшая названія рѣкъ при помощи суффиксовъ „ва“, „ма“, и „га“.

Извѣстный этнографъ покойный профессоръ Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ утверждаетъ, что суффиксы „ва“ и „ма“—тождественны, что „ма“ есть тотъ же суффиксъ „ва“, испорченный въ устахъ русскихъ и вотяковъ. Заключение ученаго подтверждается тѣмъ, что и въ настоящее время сохранились названія рѣкъ, изъ которыхъ ясно тождество этихъ суффиксовъ: Сюз-ма въ Вологодскомъ уѣздѣ и Сюз-ва въ Пермской губ. Что касается суффикса „га“, то между нимъ и суффиксомъ „ва“—нѣтъ никакой разницы. Напримѣръ, въ книгѣ Большого Чертежа рѣка Пинега имѣетъ еще двоякое начертаніе: Пине-га и Пине-ва, да и въ настоящее

время сохранились названія рѣкъ, доказывающія, что суффиксы „ва“ и „га“—тождественны: Сой-ва въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Сой-га въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Уж-ма въ Вологодскомъ, Уж-га въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Сор-ма въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Сор-га въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Ош-ва—въ Пермской губ., Ош-ма—въ Костромской губ., Ва-га—въ Вельскомъ уѣздѣ, Ва-ма—въ Олонецкой губ., Кол-ма—въ Олонецкой губ., Кол-ва—въ Пермской губ., Пож-га—въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Пож-ва—притокъ Камы и Пож-ва—притокъ Оки.

Слѣдовательно, территорія съ названіями рѣкъ, образованными при помощи суффиксовъ „ва“, „ма“ или „га“, была нѣкогда мѣстожительствомъ одной народности. Опредѣлить границы разселенія этой народности легко при помощи названій рѣкъ. Пространство, на которомъ жило племя, означающее рѣку словомъ „ва“, „ма“ или „га“, ограничивается линіей, проведенной по р. Оби до г. Березова, отъ г. Березова до р. Нейвы Пермской губ., отъ р. Нейвы по р. Чусовой Пермской губ., и по р. Камѣ до устья Вятки. Затѣмъ граница переходитъ въ область сѣверныхъ притоковъ Ветлуги, идетъ по границѣ между Костромской и Вологодской губ. до верховьевъ Костромы и спускается до р. Клязьмы, а затѣмъ по р.р. Клязьмѣ и Протвѣ идетъ до ея верховьевъ, захватываетъ сѣверную и западную части Московской и Владимірской губ. до верховьевъ р. Костромы и границы Вологодской губ. и заключаетъ всю Вологодскую, Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую губ. Здѣсь она по р. Вашкѣ, Усть-Вашкѣ, Цильмѣ, Печорѣ, Уссѣ приближается къ исходной своей точкѣ—къ р. Оби.

На всемъ этомъ пространствѣ жило нѣкогда населеніе, проживалъ народъ, обозначавшій воду словомъ „ва“, „ма“ или „га“. „Ва“—по словарю Лыткина значить вода. И вотъ отъ этого населенія остался цѣлый рядъ названій, совершенно одинаковыхъ по словообразованію:

Кол-ва, Яз-ва, Кос-ва, Яй-ва, Чусо-ва, Сыл-ва, Об-ва, Лыс-ва, Ин-ва, Виль-ва, Ег-ва, Ку-ва, Лоп-ва, Лен-ва, Лозь-ва, Лысьва, Си-ва, Юзь-ва, Лось-ва, Унь-ва, Куш-ва, Шак-ва, Об-ва, Ошь-ва, Ныт-ва, Цыд-ва, Гай-ва, Сюзь-ва, Ней-ва, Пож-ва—бассейнъ рѣки Камы (Пермская губ.); Мыл-ва, Сой-ва, Кол-ва, Кож-ва, Кед-ва—бассейнъ р. Печоры (Вологодская и Архангельская губ.); Пыз-ва, Кед-ва, Ем-ва, Чер-ва—бассейнъ р. Сѣверной Двины (Вологодская губ.) Не-ва, Ме-ва, Меско-ва—бассейнъ р. Костромы (Костромская губ.); Полк-ва, Но-ва—Архангельская губ., Пож-ва—притокъ р. Оки, Моск-ва.

Жай-ма, Возь-ма, Порше-ма, Сюз-ма, Уж-ма, Соди-ма, Сизь-ма, Нозь-ма—въ Вологодскомъ уѣздѣ, Ухто-ма, Пельш-ма, Соди-ма—въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Толш-ма, Тоть-ма, Ниш-ма, Нозьма—въ Тотемскомъ уѣздѣ, Ич-ма, Теле-ма, Узь-ма, Уди-ма—въ Устюжскомъ уѣздѣ, Той-ма, Ныр-ма, Соули-ма, Шер-ма, Шеро-ма, Урдо-ма, Хорне-ма—въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Тозьма—въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Воже-ма, Сотче-ма, Шено-ма, Тук-ма—въ Яренскомъ уѣздѣ, Цыль-ма, Моло-ма, Иж-ма, Пиж-ма, Ониг-ма, ам-уШ—въ Архангельской губ.; Ка-ма—въ Пермской губ., Моло-ма, Лема,

Той-ма—въ Вятской губ., Клязь-ма—въ Московской губ., Костро-ма, Курдо-ма, Иж-ма, Вedo-ма, Вохто-ма, Ош-ма, Шекше-ма, Песь-ма—въ Костромской губ., Кис-ма, Улей-ма—въ Ярославской губ., Ке-ма, Пидь-ма, Елома, Ухто-ма—въ Новгородской губ., Туло-ма, Пязи-ма, Вож-ма, Ухто-ма, Кол-ма, Пяль-ма, Пор-ма, Андо-ма, Ватко-ма, Ва-ма, Лекш-ма, Кел-ма, Кине-ма, Егло-ма. Нето-ма, Ягра-ма, Ачо-ма—въ Олонецкой губ.

Пине-га, Нимень-га, Хозе-га, Паден-га, Оне-га—въ Архангельской г., Андан-га, Волман-га, Яхрен-га, Шолга—въ Никольскомъ у., Важень-га, Леден-га, Печень-га, Кокшень-га, Идень-га, Песь-Едень-га, Уфтан-га—въ Тотемскомъ у., Венден-га, Ярен-га—въ Яренскомъ у., Визинь-га, Шилен-га, Пож-га, Уж-га—въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Курден-га, Марден-га, Сельмен-га, Шолга, Шардень-га. Уфтю-га, Шалень-га—въ Устюжскомъ уѣздѣ, Ныло-га, Пален-га, По-га, Поло-га, Равдру-га—въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Елен-га, Мае-га, Пекшень-га, Сельмен-га, Севчу-га, Пуде-га, Рабан-га, Термин-га, Угронь-га—въ Вологодскомъ уѣздѣ, Моймен-га, Пурон-га, Мур-га—въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вохто-га—въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Ва-га—въ Вельскомъ уѣздѣ, Ветлу-га, Кокша-га, Пур-га—въ Вятской губ., Пене-га, Гузен-га, Войюн-га, Нимен-га, Марье-га, Сіян-га—въ Олонецкой губ., Вож-га, Вондон-га, Андо-га, Моло-га—въ Новгородской губ., Шан-га, Якшан-га, Ви-га, Печен-га, Надо-га, Сенде-га—въ Костромской губ., Со-га, Шуй-га—въ Ярославской губ., и наконецъ—Вол-га.

Итакъ, съ несомнѣнностью устанавливается, что первобытное население сѣвера принадлежало къ той пра-пермской группѣ народностей, которая селеніе или городъ именовала каръ, гортъ или дынь, рѣку—ва, ма или га.

На томъ громадномъ пространствѣ, которое только что было упомянуто, это населеніе жило не одновременно и, по всей вѣроятности, не исключительно оно занимало его. Въ этихъ предѣлахъ оно двигалось, передвигалось, уступало свое мѣсто другимъ и, уходя, оставляло свои названія рѣкъ и поселковъ въ наслѣдіе послѣдующимъ жителямъ.

Какова была культура этого народа,—объ этомъ намъ свидѣтельствуя раскопки, произведенныя въ чудскихъ городищахъ. Вещественные остатки быта Чуди, находимые въ городищахъ, относятся и къ палеолитическому, и къ неолитическому, періоду, т. е. къ началу и къ концу каменнаго вѣка, отчасти къ бронзовому и, наконецъ, къ желѣзному вѣку. Отъ каменнаго вѣка остались орудія, служившія для военныхъ цѣлей и охоты: наконечники копій и стрѣлъ, боевые молоты, каменные ножи и вилки, топоры и долота для обработки дерева, грузила для сѣтей, орудія для обработки камня, скребки для обработки кожи. Эти находки говорятъ о томъ, какія ремесла и промыслы были въ ходу у Чуди. Очевидно, Чудь занималась звѣроловствомъ, охотой, рыбной ловлей. Наряду съ костяными наконечниками стрѣлъ въ чудскихъ костищахъ остались слѣды скелетовъ лося, росомахи, бураго медвѣдя, лошади, быка, козла, козы, свиньи,—показатель того, какія животныя были вѣдомы Чуди. (См. Рютимейръ. Остатки животныхъ въ

древнихъ костищахъ Урала). Желѣзный вѣкъ оставилъ въ городищахъ лѣсорубочные топоры, мотыки, ральники, серпы и косы. Очевидно, въ это время населеніе занималось уже земледѣліемъ и расчищала лѣсныя пространства.

Присутствіе среди чудскихъ древностей земледѣльческихъ орудій опредѣленно указываетъ на то, что земледѣліе извѣстно было здѣсь еще въ доисторической періодъ жизни края. Болѣе или менѣе точно установить время, къ которому относятся эти предметы первобытной культуры, однако не представляется пока возможнымъ и по этому поводу существуютъ разныя мнѣнія. Ф. А. Теплоуховъ полагаетъ, что орудія эти, главнымъ образомъ, ральники нужно приурочить къ періоду отъ X до XIII в., а А. А. Спицынъ высказываетъ предположеніе, что они принадлежатъ уже болѣе поздней культурѣ и относить ихъ къ XIII—XIV в.в. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ вещественные памятники, по которымъ можно судить объ орудіяхъ для обработки почвы, примѣнявшихся въ доисторическое время.

Языковѣдніе подтверждаетъ предположенія археологіи о земледѣльческой культурѣ Чуди. На языкахъ пермскомъ, вотскомъ и зырянскомъ существуютъ одни и тѣ же корни для названій земледѣльческихъ орудій, злаковъ, скота, что показываетъ, что всѣ эти предметы были извѣстны народностямъ пра-пермской группы въ до-историческую эпоху ихъ быта. Да и вообще новѣйшая наука исторіи приходитъ къ тому выводу, что земледѣліе было самымъ раннимъ видомъ правильного систематическаго хозяйства, что земледѣліе—это самая легкая и простая форма приложенія труда, понимая земледѣліе въ смыслѣ примитивной формы обработки, такъ наз. мотыжное земледѣліе, при помощи мотыки.

Время не сохранило намъ никакихъ орудій для размола зерна, которые могли бы свидѣтельствовать еще разъ о томъ, что добыча зерна существовала въ до-историческое время у населенія сѣвернаго края. Слова „гыртъ“ ступа и „тоинъ“ пестъ—общіе языкамъ пра-пермской группы, слѣдовательно и ступа, и пестъ были первобытному населенію знакомы. Одному изъ археологовъ въ Пермской губ. крестьянинъ Соликамскаго уѣзда говорилъ, что въ старое время около села выпалили „чудской“ жерновъ. По описанію его, это былъ нижній жерновъ безъ отверстія.

Такимъ образомъ, можно притти къ заключенію, что „чудь“ не была чужда земледѣлію, хотя, можетъ быть, только въ болѣе южныхъ мѣстахъ своего расселенія, тѣмъ болѣе, что всѣ ральники найдены въ раскопкахъ Иньвенскаго края въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Стефанъ же Пермскій въ Вычегодскомъ краѣ не нашелъ земледѣлія, и описанные его учениками зырянскіе боги были лишь богами звѣроловства, охоты, рыбной ловли.

Тѣмъ не менѣе, мѣстами раскопки даютъ опредѣленныя указанія на то, что чудь не была чужда даже обработки металловъ. По словамъ изслѣдователей кувгановъ. она была знакома съ металлургіей, залагала копи

въ горахъ, добывала мѣдь и изготовляла изъ нея орудія, оружіе и др. предметы. Это находить себѣ подтвержденіе и въ данныхъ лингвистики: названія металловъ одинаково звучатъ во всѣхъ языкахъ народовъ пермской группы.

Обращаясь къ остаткамъ чудской старины, выражающимся въ переживаніяхъ прежнихъ отжившихъ свой вѣкъ нравовъ и обычаевъ, мы не лишнимъ считаемъ напомнить извѣстный разсказъ дѣтскихъ хрестоматій о часовомъ и владѣтельномъ князѣ. Обращено было вниманіе на то, что по-среди нѣ княжескаго сада ставятъ часового тамъ, гдѣ нечего охранять. По розыскамъ въ архивѣ оказалось, что нѣкогда былъ князь, у князя была любимая дочь, которой понравился цвѣтокъ въ саду. И вотъ для охраны этого-то цвѣтка и было сдѣлано распоряженіе поставить часового. Прошли годы, давно завялъ цвѣтокъ, умеръ князь, умерла княжна, время изгладило саму память о нихъ, а разводящій ежедневно все ставитъ и ставитъ часовыхъ около того-же мѣста...

Такихъ переживаній — мелкихъ и крупныхъ — чрезвычайно много въ нашей обыденной повседневной жизни. Извѣстный социологъ Л. Крживицкій говоритъ о нихъ въ своей книгѣ „Прошедшее и настоящее“: „Начавъ обстоятельно анализировать нашу будничную жизнь, мы могли бы обнаружить, что далекое прошлое сказывается въ ней на каждомъ шагу... Цѣлыя столѣтія не могли уничтожить обычаевъ древней эпохи, обычаи и вѣрованія, которыя тогда возникли, упорно держатся и теперь, хотя основа, на которой они появились, давнымъ давно исчезла. Пережитокъ существуетъ и иногда даже развивается въ средѣ чуждой ему по духу и стремленіямъ. Разумъ пересталъ защищать его, но чувства охраняютъ и берегутъ его. Достаточно припомнить пуговицу сзади сюртука: возникла она въ то время, когда нужно было совершать большія путешествія верхомъ, и всадникъ закидывалъ за нее полы. Остатокъ этотъ теперь не приноситъ никакой пользы, но мы къ нему привыкли и считали бы неэстетичнымъ лишиться этого пережитка“.

Семейная терминологія зырянъ, пермяковъ и вотяковъ вводитъ насъ въ кругъ такихъ семейныхъ понятій и такого семейнаго уклада, который уже давно сталъ преданьемъ глубокой старины. Формы старой семьи исчезли, а терминологія и обычаи остались, какъ тотъ часовой, который сторожилъ цѣлые вѣка давно исчезнувшій цвѣтокъ..

У насъ представляются различными понятія „мужъ“ и „мужчина“, такъ какъ по нашимъ современнымъ представленіямъ не каждый мужчина является въ то-же время непременно и мужемъ женщины. Точно то-же можно сказать и о понятіяхъ „жены“ и „женщины“. Между тѣмъ на пермскомъ языкѣ „ай“ одинаково значить—и мужъ, и мужчина, и самецъ вообще, „ань“ или „инь“—одинаково значить жена, женщина и вообще самка: особыхъ понятій для мужа и жены не существуетъ. Очевидно, эти понятія и эти слова сложились въ ту отдаленную эпоху, когда что ни мужчина, то былъ и мужъ для женщины, что ни женщина, то была и жена

для мужчины. Такой порядокъ жизни извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ „гетеризма“, когда всѣ мужчины безъ различія являлись мужьями всѣхъ безъ различія женщинъ. Точно о томъ-же говорятъ термины для обозначенія понятій „дочь“ и „сынъ“. Специальныхъ понятій „дочь“ и „сынъ“ въ пермскомъ языкѣ вовсе нѣтъ: для выраженія этихъ понятій служатъ слова „пи“ и „зонъ“—парень и дѣвка. Въ первобытную эпоху гетеризма родились дѣти, но они различались только, какъ мальчики и дѣвочки, ибо при господствѣ беспорядочныхъ половыхъ сношеній, когда ни одна женщина не имѣла опредѣленнаго „индивидуальнаго“ мужа, нельзя было сказать, чей сынъ тотъ или иной родившійся мальчикъ, чья дочь та или иная родившаяся дѣвочка, и потому такихъ понятій вовсе не существовало: они просто были невѣдомы, непонятны уму первобытнаго чловека—для него ясно было только одно—родился парень или дѣвка. Понятій „дядя“ или „тетка“, разумѣется, не могло и быть въ первобытную эпоху, и въ пермскомъ языкѣ нѣтъ особыхъ корней для этихъ понятій: выражающія ихъ слова уже производныя, т. е. образовались въ послѣдующія эпохи развитія языка („ун-ай“, „ун-ин“).

Гетеризмъ давнымъ давно исчезъ, оставивъ послѣ себя лишь такіе остатки, какъ упомянутыя мною штрихи въ языкѣ. Онъ уступилъ мѣсто другимъ формамъ семьи, о которыхъ мы можемъ судить тоже по переживаніямъ въ нравахъ и обычаяхъ. О чемъ говорить, напр., существующій во многихъ мѣстностяхъ нашего сѣвера обычай или даже цѣлый рядъ обычаевъ, намекающихъ на какое-то какъ бы право всего рода на выходящую замужъ дѣвушку? Парни всего селенья заявляютъ на нее права, и женихъ обязанъ выкупать невѣсту у нихъ. Они всячески препятствуютъ совершенію брачныхъ обрядовъ, мѣстами, напр., разворачиваютъ каменку въ банѣ, пока у нихъ не выкупятъ возможность занять баню для молодыхъ. Это, несомнѣнно, говоритъ о томъ, что первобытный гетеризмъ замѣнился въ ходѣ развитія вступленіемъ въ бракъ всѣхъ мужчинъ извѣстнаго рода со всѣми женщинами того же рода, но брачныя связи ограничились уже предѣлами рода. Въ дальнѣйшемъ развитіи семьи все ограничивалось число лицъ, дѣеспособныхъ къ вступленію въ бракъ между собою, и каждое новое ограниченіе отлагало въ нравахъ и обычаяхъ свои специфическія переживанія.

Таковы доисторическія формы чудской семьи. Онѣ отразились и въ историческихъ памятникахъ быта сѣвера.

Въ посланіи „московскаго митрополита Симона Пермскому князю Матвѣю Михайловичу и всѣмъ пермичамъ большимъ людямъ и меньшимъ мужемъ и женамъ, юношамъ и младенцамъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ новопросвѣщеннымъ господнимъ людямъ всея области пермскія земли“ (1510 г.) мы читаемъ: „женитьбъ незаконныхъ не чините, якоже слышу о васъ, что поймаются въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поймаетъ, третій его братъ также творить“. Изъ текста этого посланія видно, что исторія

застаегъ пермскую семью при переходѣ отъ многожества къ единобрачію. Проповѣдь христіанской религіи, можетъ быть, ускорила этотъ естественный въ ходѣ развитія переходъ, но несомнѣнно, что право и нравственность жителей сѣвера слагались на почвѣ этихъ историческихъ отношеній, и чудская религія освящала именно эти человѣческія отношенія.

Религія первобытнаго населенія нашего сѣвера сохранилась и дошла до насъ въ очень скудныхъ очертаніяхъ. Вышецитированное посланіе митрополита Симона говоритъ о поклоненіи золотой бабѣ и болвану Войпелю, но въ чемъ заключалось это поклоненіе, изъ посланія не видно, да съ вѣроятностью можно предположить, что и до самого митрополита доходили очень спутанныя свѣдѣнія о формахъ этой религіи.

Наибольшаго вниманія въ отношеніи ознакомленія съ первобытной религіей сѣверянъ заслуживаютъ такія историческіе документы, какъ житіе преподобнаго Трифона Вятскаго XVII в. и особенно житіе Стефана Пермскаго, писанное Епифаніемъ премудрымъ „яко своима очима видѣхъ, иное же и съ самимъ бесѣдовахъ многажды и того навыкъ“. Слѣдовательно, этотъ послѣдній документъ писанъ современникомъ Стефана Пермскаго и стало быть относится къ XIV вѣку.

Преподобный Трифонъ, какъ извѣстно, срубилъ „идоложертвенное древо ель“. Житіе такъ описываетъ это „капище бѣсовское“: „идоложертвенное древо и висящія на немъ златыя и серебряныя и шелковыя ширинки и кожи, и вся бѣсовскія привѣсныя козни“. Изъ этого отрывка мы узнаемъ, что въ религіозный укладъ сѣверянъ входило обоготвореніе деревьевъ. Подобно тому, какъ преподобный Трифонъ велъ борьбу съ идоложертвеннымъ древомъ елью, точно такъ же Стефанъ Пермскій прибывъ въ Усть-Вымъ или Іемдынъ, поселился на горѣ подлѣ кумирницы, вблизи которой была чтимая береза. Въ кумирницѣ, какъ удостовѣряетъ житіе, находились кумиры, а при ней были кумирники. „Въ зырянской землѣ кумиры были различныя, говоритъ Епифаній: большіе средніе и малые. Нѣкоторые изъ нихъ были большіе и извѣстные, и много другихъ, которыхъ сосчитать никто не можетъ. Боги были болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырѣзомъ вырѣзанные. Стефанъ со своими учениками ходилъ по лѣсамъ, по погостамъ, и по домамъ; и въ лѣсу, и на распутіяхъ, и здѣсь и тамъ, всюду, гдѣ ни находилъ кумировъ, уничтожалъ ихъ безъ остатка. Что же было повѣшено около кумировъ или надъ ними на кровляхъ или было принесено на приношеніе, на украшеніе, какъ-то: соболи, куніцы, горностаи, лисицы, бобры, медвѣди, рыси, бѣлки, все это онъ собиралъ, складывалъ въ кучу и предавалъ огню. Онъ приказалъ ученикамъ отнюдь не брать ничего отъ кумирницъ: золотое, серебрянное, мѣдь, желѣзо, олово или что иное“.

Изъ этихъ скудныхъ описаній монаховъ, презрительно отчуждившихся къ языческой религіи и не считавшихъ нужнымъ особенно долго оставаться на ней, мы узнаемъ лишь, что пермская религія знала многихъ боговъ, мѣстопробываніе которыхъ было, очевидно, повсемѣстнымъ.

И въ спорѣ со Стефаномъ представитель зырянской религіи Вычегодскій сотникъ Памъ говоритъ: „Вѣра наша лучше вашей вѣры потому, что у васъ одинъ богъ, а у насъ много боговъ, много поспѣшниковъ, много поборниковъ. Они даютъ намъ ловитву, которая въ водахъ, которая въ воздухѣ, которая въ болотахъ, дубравахъ, борахъ, на лугахъ, въ поросляхъ и чащахъ, въ березникѣ, ельникѣ, соснякѣ, раменахъ и прочихъ лѣсахъ, которая на деревьяхъ, какъ-то: бѣлки, соболи, куницы, рыси и прочая наша ловитва“.

Изъ всѣхъ этихъ отрывковъ несомнѣнно одно: религіей первобытнаго населенія сѣвера было многобожіе, а ея богами—одухотворенныя и покланяемая силы и явленія природы. И современные обряды, вѣрованія, сказанія, преданія намекаютъ на поклоненіе небу, землѣ, деревьямъ, животнымъ.

Такъ какъ всѣ эти божества требовали приношеній, то къ числу этихъ приношеній, очевидно, и относятся подвѣски, находимыя на мольбищахъ, и кровавыя жертвы, оставившія послѣ себя костища, т. е. груды жертвенныхъ костей.

Переживаніемъ этой религіи являются обряды нынѣшняго нашего христіанскаго времени: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ храмовые праздники при храмѣ убиваютъ быка и устраиваютъ общій обѣдъ для прихожанъ, сюда-же относится и братчина въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Находки въ городищахъ почти повсемѣстно указываютъ на обоготвореніе животныхъ и птицъ. Птицы вообще у многихъ народовъ признавались за существа божественныя. У вогуловъ и теперь имѣются изображенія птицъ, звѣрей, людей, хранимые въ качествѣ идоловъ въ жилищахъ и потаенныхъ религіозныхъ складахъ, а отчасти полагаемая въ могилы вмѣстѣ съ другими вещами умершаго. И по раскопкамъ мы видимъ, что у чуди было широко распространено представленіе о какомъ-то мифическомъ звѣрѣ съ нѣкоторыми признаками гада, съ удлиненой головой, вооруженной рогомъ и напоминающей отчасти крокодилю или носорожью, съ вытянутымъ туловищемъ, покрытымъ чешуей или щитками вдоль спины (См. Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской чуди). Одинъ идолъ, относимый ко времени не позже X вѣка, и найденный на р. Лепсиі, впадающей въ Сѣверную Большую Сосву, носитъ форму рѣдкаго звѣря-слона, тогда какъ лебеди, лошади, медвѣди—встрѣчаются очень нерѣдко.

Таковы наши свѣдѣнія о доисторическихъ жителяхъ нашего сѣвера—о чуди, о чулакахъ. Предъ нами народъ, далекій отъ высокой культуры и просвѣщенія, съ зачаточной религіей, съ первобытнымъ семейнымъ укладомъ, въ періодѣ родового быта. Ютятся по неприступнымъ берегамъ рѣкъ, живя рѣдкими, разбросанными селеніями, онъ занимается охотой, звѣроловствомъ, рыбной ловлей, при чемъ есть указанія на обмѣнъ естественныхъ богатствъ страны на товары, привозимые булгарами, хозарами и жителями Азии. Во главѣ этого народа стоятъ князья, сидѣвшіе въ разбросан-

ныхъ на обширномъ пространствѣ сѣвера городахъ. Въ такомъ видѣ застаютъ населеніе края исторія и историческіе акты.

Понятіе „Чуди“ свойственно и нашимъ былинамъ и народнымъ сказаніямъ: „Ой ты гой еси, море тинное, море тинное, ты чудское, отчего тебя зовутъ озеромъ?“—обращается былина къ Ростовскому озеру. Но это понятіе свойственно не только языку народныхъ преданій и сказаній, но и древнимъ актамъ и грамотамъ ¹⁾. Испрашивая жалованную грамоту на земли въ Пермскомъ краѣ, Григорій Аникіевъ Строгановъ писалъ царю Ивану Васильевичу Грозному (въ XVI в.): что въ Перми Великой берега и села дикіе и селища чюдскія“. Въ переписныхъ книгахъ Михайла Кайсарова (XVII вѣка) отмѣчено, напр.: „да за Андреемъ же и за Петромъ Строгановыми къ ихъ же вотчинѣ къ Чусовскому городку по обѣ стороны рѣки Камы займище чюдское и селище и пустошь“.

Такимъ образомъ, актамъ историческаго уже времени и первыхъ вѣковъ исторіи свойственно понятіе Чудь. Естественно возникаетъ вопросъ, является ли этотъ народъ предками современныхъ обитателей нашего сѣвера—пермяковъ, зырянъ, вотяковъ, народностей пермской группы, или это иной народъ, нынѣ безъ остатка вымершій?

Уже предыдущимъ изложеніемъ былъ данъ на это отвѣтъ. Чудь древнихъ актовъ и народныхъ преданій стоитъ въ непосредственной родственной связи съ народностями пра-пермской группы, даже больше: „чудь“—это и есть названіе народностей пермской группы, въ послѣдствіе принявшихъ официальное наименованіе пермяковъ, вотяковъ и зырянъ. У пермяковъ и теперь сохранился обычай—погребать чудаковъ, остатокъ прежняго культа предковъ, какъ нельзя лучше говорящей о томъ, что пермяки и чудь едино суть.

Зачѣмъ-же этотъ народъ назывался „чудью“ и почему съ теченіемъ времени отмерло это названіе?

„Чудь народныхъ преданій и древнихъ актовъ, говоритъ проф. Смирновъ, представляетъ одно и то же съ предками современнаго населенія... Имя Чудь не представляетъ собой созданія народовъ пермской группы, а заимствовано ими у русскихъ пришельцевъ, которые имъ обозначали туземное населеніе“. Иными словами—слово „чудь“ — не свойственно языку народностей пермской группы: такимъ именемъ не называли себя древніе сѣверяне и оно является названіемъ для народовъ этой группы, даннымъ имъ русскими. Подобнымъ-же образомъ русскіе всѣхъ западно-европейцевъ называли „нѣмцами“, независимо отъ ихъ національности изъ-за ихъ кажущейся „нѣмоты“, т. е. неумѣнія говорить по-русски. При этомъ заключая

1) Всѣ историческіе акты, касающіеся Чуди, относятся къ XI—XII в.в., если не считать историческаго свидѣтельства Тацита, историка I в. по Р. Х. „У финновъ, сообщаетъ онъ: полная дикость, гнусная бѣдность; нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; ихъ пища—трава, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя они за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями. Живутъ они въ шалашахъ изъ вѣтвей и кормятся охотой“.

всѣхъ подѣ одну скобку „нѣмцевъ“, наши предки различали „нѣмцевъ амбургскихъ“ (германцевъ), „нѣмцевъ аглицкихъ“ (англичанъ)—„королевства англійскаго нѣмцы—купеческіе и богатые, а пьютъ много“—и „нѣмцевъ фряжскихъ“ (французовъ и итальянцевъ). Точно также, столкнувшись съ населеніемъ сѣвера, принадлежащимъ къ пермской группѣ народностей, и получивъ отъ этого населенія впечатлѣніе чего-то чуждаго или чудного съ русской точки зрѣнія и не зная, что за народъ предъ ними, русскіе слили всѣ пермскія народности во-едино подѣ общимъ названіемъ „чуди“. Это находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что ни одному изъ пермскихъ племенъ сѣвера не свойственно понятіе „чудь“, въ ихъ языкахъ слова „чудской“ вовсе нѣтъ, болѣе того, оно настолько имъ непонятно и несвойственно, что принимаетъ у нихъ, какъ слово „иностранное“, даже испорченную форму „чучкой“ и даже въ собственныхъ именахъ народы пермской группы не въ силахъ преодолѣть трудности для ихъ языка усвоенія этого чужого непонятнаго слова: примѣромъ можетъ служить названіе деревни Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ. „Чучковское“.

Объединяемъ въ названіи „Чуди“ пермское населеніе нашего сѣвера постепенно въ понятіяхъ нашихъ предковъ дифференцировалось и Несторъ Лѣтописецъ, какъ извѣстно, перечисляя обитателей полуночной страны, называетъ на сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи Заволоцкую Чудь, Пермь, Печеру, Ямь и Югру.

Небезынтересенъ анализъ этихъ этнографо-географическихъ понятій нашего лѣтописца. Присмотримся къ нимъ поближе и посмотримъ, какія изъ народностей разумѣлъ лѣтописецъ, перечисляя вышеупомянутые „языци“ чудскаго происхожденія.

Пермь оставила послѣ себя народность пермяковъ, которые и по языку, и по нравамъ и обычаямъ, и по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ зырянъ. Это тѣ-же зыряне, только именуемые на русскомъ языкѣ другимъ наименованіемъ, а себя называющіе тѣмъ-же словомъ „комимортъ“, которымъ именуютъ себя и зыряне. Слѣдовательно, можно притти къ выводу, что Пермь лѣтописи является племенемъ пермской группы, прямыми предками нынѣшнихъ пермяковъ и зырянъ.

Родственная близость зырянъ и пермяковъ и объединеніе этихъ народностей въ понятіи „Перми“ у лѣтописца—подтверждается цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ.

Такъ, въ книгѣ „Большого Чертежа“, изд. 1846 г., значитъ: „Вычегда пала въ Двину ниже Тулупьева острова. А по рѣкѣ по Вычегдѣ съ верху съ правыя стороны градъ Старая Пермь отъ Усть-Вычегды 140 верстъ. А ниже Перми 70 верстъ на Вычегдѣ градъ Еренскъ. А ниже Еренска 60 верстъ градъ Соль-Вычегоцкая, а отъ усть рѣки Вычегды Соль-Вычегоцкая верстъ съ 15“. Въ этой старинной географіи мы видимъ наименованіе города „Старая Пермь“ въ самомъ сердцѣ зырянскаго края: очевидно, Старой Пермью называется тутъ нынѣшній Усть-Вымъ, носившій тогда свое названіе туземнаго происхожденія Іемдынъ.

Кромѣ Перми просто или Перми Вычегодской существовала Пермь Великая глаголемая Чусовая съ главнымъ городомъ Пермь Великая Чердынъ. Эта Пермь находилась уже въ Приуральѣ и центръ ея былъ въ верховьяхъ Камы. Границы той и другой Перми—и Перми Великой и Перми Вычегодской—опредѣлены въ житіи Стефана Пермскаго, написанномъ Епифаніемъ Премудрымъ въ концѣ XIV вѣка.

Епифаній перечисляетъ „имена мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникамъ, живущимъ вокругъ Перми“ и въ числѣ ихъ упоминаетъ Пермь Великую глаголемую Чусовую. „Рѣка же едина, говоритъ Епифаній, ей же имя Вымь, си обходящія всю землю Пермскую и вниде въ Вычегоду; рѣка же другая именованъ Вычегда си исходящія изъ земли Пермскаа. Рѣка же третья нарицаемая Вятка, яже течеть въ другую страну Перми и вниде въ Каму; рѣка же четверта именованъ Кама. Сиіи есть сиіи убо обходящія и проходящія всю землю Пермскую, сквозѣ ню, по ней же мнози языци сѣдять, сиіи убо грядущія устремленіемъ свсимъ прямо яко къ югу и своимъ устіемъ вниде въ Волгу близъ града нарицаемаго Болгарь“.

Изъ этого совершенно яснаго описанія можно видѣть, что р. Вымь обходитъ Пермь, слѣдовательно, подъ именованіемъ Перми Епифаній разумѣетъ Пермь старую или Вычегодскую, мѣсто проповѣди Стефана Пермскаго, а р. Вычегда исходитъ изъ Перми, Вятка течеть въ другую сторону отъ Перми. Бѣлаго взгляда на карту достаточно, чтобы усвоить, что у Епифанія и его современниковъ подъ именованіемъ Пермь разумѣлся нынѣшній зырянскій край, мѣсто проповѣди Стефана.

Поэтому географическое и этнографическое указаніе лѣтописи на Пермь обнимаетъ значительное пространство, включающее въ себя и Вычегодскій край и прилегающій къ нему Чердынско-Соликамскій край нынѣшней Пермской губерніи и часть Вятской губ. по верхнему теченію р. Камы.

Дальнѣйшій географическій терминъ лѣтописи „Печера“ указываетъ у лѣтописца въ числѣ древнѣйшихъ племенъ. Уже самое названіе показываетъ, что народность подъ этимъ наименованіемъ ютилась гдѣ-то вблизи рѣки Печоры. И по словамъ лѣтописи, „Печера суть людіе яже суть дань дающе Новгороду“ (1096 г.). Слѣдовательно, Печера была подъ властью Новгорода Великаго еще до Перми и тѣмъ болѣе до Перми Великой. Никакихъ точныхъ указаній въ историческихъ актахъ на то, что такое была Печера, не имѣется, но судя потому, что какъ разъ здѣсь древнія урочища, селища и рѣки дошли до насъ съ древними пермскими названіями, наиболѣе сохранившимися въ зырянскомъ языкѣ и наиболѣе родственными этому языку, можно, думается, притти къ заключенію, что Печера и есть прямыя предки нынѣшнихъ зырянъ. Названіе же Печера эта народность получила просто вслѣдствіе того, что проживала по рѣкѣ Печерѣ: это, такъ сказать, скорѣе географическій, чѣмъ этнографическій терминъ.

Однимъ изъ старѣйшихъ чудскихъ племенъ, перечисленныхъ въ лѣтописи, должна считаться Ямь или ~~Ямь~~. По указанію лѣтописи, въ XI вѣкѣ

это племя жило на сѣверо-востокѣ рядомъ съ Печерой и Югрой. Несомнѣнно, что языкъ именно этого племени далъ названіе Ем-дынъ нынѣшнему Усть-Выму или прежней Старой Перми. Академикъ Шегренъ указываетъ, что по преданію, около нынѣшняго Котласа жило прежде чудское племя Гамъ, одинъ изъ притоковъ Ващки называется Гам-шоръ, въ писцовыхъ книгахъ часто встрѣчаются прозванія Гамовъ, Гамитиновъ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ есть деревня Гамовская и Гамская. Такъ какъ зырянскому языку корень „гамъ“ вовсе чуждъ, надлежитъ заключить, что онъ принадлежитъ языку какой-то народности другой, здѣсь обитавшей, а такъ какъ корень этотъ однороденъ съ лѣтописнымъ названіемъ народа Ямъ или Емъ—съ несомнѣнностью можно признать, что мѣстопробываніе древней лѣтописной Еми надлежитъ искать именно здѣсь. Но не только оно было здѣсь. Емъ населяла и Пермскую губернію, потому что и тамъ въ бассейнѣ Чусовой и въ предѣлахъ Оханскаго уѣзда мы встрѣчаемъ деревню Гамово. Это племя болѣе другихъ двинулось на югъ; по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Вологодскаго уѣзда есть рѣка Ема и селеніе Ем-ка, вѣроятно, прежнее Ем-каръ, и въ Кадниковскомъ уѣздѣ течетъ рѣка Емба. Съ другой стороны, въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, обнаруживаются несомнѣнныя доказательства пребыванія тамъ Еми: рѣка Емца, село Емецкое, около котораго въ мѣстности Ратовъ-Наволокъ имѣется и курганъ, знаменующій мѣсто битвы Новгородцевъ съ Чудью.

Такимъ образомъ, расселеніе Еми было очень широкимъ.

Послѣднее и самое отдаленное племя, перечисленное въ лѣтописи—Югра. Это племя упоминается еще у арабскихъ писателей X вѣка (Ибнъ-Батуты, Ибнъ-Фодлана). Эти писатели сообщаютъ о торговлѣ Болгаръ съ Югрой, о томъ, какъ въ Югру надо ѣхать на собакахъ, упоминаютъ, что Югра граничитъ съ Ледовитымъ моремъ. Лѣтопись подъ 1096 годомъ приводитъ рассказъ Гюря Торговича Новгородца о томъ, какъ его отрокъ, посланный на Печеру, „оттуда иде на Югру: Югра же людіе языки нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на голуночныхъ странахъ. Суть горы, заидуче луку моря имъ же высота яко до неба. Есть же путь до тѣхъ горъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“..

Въ этомъ отрывкѣ лѣтописи совершенно опредѣленно указывается мѣстопробываніе Югры, очевидно, представлявшей для Новгорода самую отдаленную народность. И эта отдаленность давала возможность Югрѣ больше другихъ чудскихъ народностей отстаивать свою самостоятельность. По крайней мѣрѣ подъ 1187 годомъ въ лѣтописи значитъ, что въ Югрѣ было возстаніе противъ Новгородскихъ сборщиковъ дани: „Въ то же время избіени быша Печерскіе данники и Югорскіе въ Печерѣ, а другіе за волокомъ“. Подъ 1193 годомъ лѣтопись отмѣчаетъ: „Въ то же лѣто идоша изъ Новгорода въ Югру ратью съ воеводой Ядрѣмъ и придоша въ Югру и взяша городъ и придоша къ другому городу“.

Лѣтопись подъ 1483 г. упоминаетъ о походѣ на Асыку, на князя вогульскаго, да и въ Югру, на Обь великую, что совершенно опредѣленно

даетъ географическое мѣсто Югрѣ. Герберштейнъ, путешествовавшій по Руси въ 1551 г., тоже отмѣчаетъ, что Угричи и Вогуличи сидятъ по рѣкѣ Оби. На географической картѣ царевича Федора Борисовича (1613 г.) Югорія показана на лѣвой сторонѣ Оби между Обью и Иртышомъ, а книга Большого Чертежа говоритъ: „а тѣ грады по Сысвѣ и Сосвѣ—Югра“. И сказаніе неизвѣстнаго новгородца XV вѣка отмѣчаетъ „каменскую самоѣдь“, т. е. самоѣдовъ приуральскихъ,—самоѣдь, которая по словамъ автора рукописи, „облежитъ около югорское земли“.

Югра народность тоже чудская, т. е. принадлежащая къ той же пермской группѣ, что и остальные народности сѣвера. Это явствуетъ изъ языка Югры. Подъ 1499 годомъ въ лѣтописи записанъ рассказъ объ окончательномъ покореніи Югры подъ власть великаго князя Московскаго. Въ этомъ году великій князь Иванъ Васильевичъ „посла воинство на Угорскую землю и на Гогуличи и шедше взяша градъ ихъ и землю повоюваща и князей поплѣни“. Подъ 1502 годомъ въ лѣтописи содержится описаніе новаго похода на Югру, при каковомъ походѣ воеводы „поимали 33 города“. Лѣтопись перечисляетъ эти города, и названіе ихъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ ихъ чудское происхожденіе: Ир-каръ, Вой-каръ, Ур-каръ, Шер-каръ, Нецкар-коръ, Саб-дынъ, Сус-коръ, Ис каръ, Хюли-коръ. Все это названія исключительно чудскія, названія того языка, который обозначался словомъ „каръ“—городъ, а словомъ „дынъ“—населенное мѣсто. Замѣчательно и чрезвычайно цѣнно, что нѣкоторые изъ поиманныхъ городовъ имѣютъ въ лѣтописи еще, кромѣ чудскаго, и русское названіе, русскій переводъ чудскаго слова: Вой-каръ или Ночной, а по зырянски „вой“ и значить ночь, Сус-коръ или Роговой, а по зырянски „сусъ“ значить рогъ, Ур-каръ, или Бѣлой, „уръ“ по зырянски значить бѣлка. Изъ этого перечисленія югорскихъ городовъ видно, что Югра принадлежала къ пермской группѣ народностей. Зырянскій языкъ убѣждаетъ въ этомъ еще и съ другой стороны. Въ немъ до сего времени сохранилось названіе народности „Югра“ или „Егра“,—каковымъ именемъ называются Вогулы и Остяки. Такимъ образомъ по пермски Егра и Вогулы—одно и то же; характерно, что и въ лѣтописи наблюдается то же самое отождествленіе въ рассказѣ о походѣ на Угорскую землю да на Гогуличи.

Проанализовавъ съ исторической точки зрѣнія лѣтописное сообщеніе о томъ, что на сѣверѣ Россіи „сѣдятъ чудь и вси языци“, мы приходимъ къ выводу, что всѣ народности, перечисленныя лѣтописцемъ: Печера, Югра, Пермь и Емь—всѣ принадлежатъ къ пра-пермской группѣ, къ тѣмъ народамъ, которые нѣкогда говорили однимъ языкомъ и которые оставили намъ не только курганы, какъ остатки своихъ жилищъ, но что гораздо важнѣе для ихъ познанія—названія урочищъ и рѣкъ, непонятныя для насъ теперь, но переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ окаменѣлые остатки давно отжившихъ народовъ.

Эти остатки даютъ намъ основаніе утверждать, что весь сѣверо-востокъ Россіи былъ въ X вѣкѣ занятъ такъ называемыми чудскими народ-

ностями, самой отдаленной изъ которыхъ надлежитъ признать Югру, населенную въ сѣверо-восточной части нынѣшней Архангельской губ. Въ со-
сѣдствѣ съ нею жили нынѣшніе зыряне по рѣкамъ Печорѣ и Сысолѣ, Пермь по берегамъ Вычегды и Камы, Емь по берегамъ Двины, Емцы, Выми, Лузы, юга до береговъ Камы и Вологды.

Къ народностямъ той же пра-пермской группы принадлежатъ и „са-
моѣдь“ или „самоядь“, самое названіе которой говоритъ объ ея родствѣ
съ сумью или же съ народомъ суоми, т. е. финнами нашего времени. Изъ
финскаго названія суоми, навѣрное, путемъ обрусенія образовалось и на-
ваніе „самоѣдь“.

Къ сожалѣнію, время сохранило намъ мало антропологическихъ остат-
ковъ отъ чудской народности. Насколько мнѣ извѣстно, въ раскопкахъ
найденъ лишь одинъ человѣческой черепъ, по которому можно было бы су-
дить о типѣ народа, населявшаго сѣверъ. По словамъ Рютимейера, этотъ
черепъ—вродѣ эскимоссаго: „При всей мягкости очертаній своихъ формъ
онъ поражаетъ развитіемъ мускульныхъ прикрѣпленій; лобъ правильный,
вертикальный, височныя полукруглыя лініи поднимаются высоко, равно какъ
и затылочныя“. Прimitивныя же портреты чудаковъ на такъ называемыхъ
чудскихъ образкахъ поразительно похожи на костюмъ современнаго зырян-
скаго охотника.

Все пространство сѣвера въ первоначальныхъ актахъ, относящихся
еще къ тому времени, когда оно было почти невѣдомо Новгородцамъ, носило
общее названіе „За волокомъ“ или „Заволочье“ или „Заволотская земля“,
при чемъ по мѣрѣ того, какъ Новгородцы знакомились съ отдѣльными ча-
стями этого края, послѣднія получали тѣ или другія названія, а все остальное
еще не изслѣдованное мѣсто опять таки оставалось подъ именемъ Заво-
лочья. Вотъ почему понятіе Заволочья измѣнялось, то уменьшаясь по мѣрѣ
исключенія изъ него уже изслѣдованныхъ Новгородцами волостей, то уве-
личиваясь по мѣрѣ того, какъ піонеры, вроде отрока Гюря Торговича, раз-
двигали на востокъ и на сѣверъ границы этого невѣдомаго края. Насколько не-
опредѣленны и подвижны были границы Заволочья,—видно изъ того, на-
примѣръ, что лѣтопись то отождествляетъ Заволочье съ при-Двинскими
областями („крестиша заволочьскую чудь и тыи рѣки великія для Двины
нарекошася Двиняны“), то рассказываетъ о походѣ въ Заволочье, которое
оказывается лежащимъ гдѣ-то при Кубенскомъ озерѣ или между Кубен-
скимъ озеромъ и Бѣлымъ озеромъ.

Разъ понятіе Заволочья не представляетъ даже опредѣленнаго гео-
графическаго термина, тѣмъ менѣе можно считать опредѣленною народ-
ностью Заволоческую Чудь. Это, очевидно, та Чудь, тѣ пермскія племена,
которыя еще не были достаточно изучены тогдашними географами, потому
что по мѣрѣ знакомства съ ними они уже получаютъ вполнѣ опредѣленные
названія Югра, Пермь, Печера, Емь. Заволочье это для географовъ того
времени то же, что украйна: это крайнихъ географическихъ познаній, кон-
чавшихся волокомъ точно также, какъ для Страбона въ его время вся

Россія представляла „украину міра, покинутую богами и людьми“. По мѣрѣ ознакомленія съ этой украиной, она превращалась въ рядъ отдѣльныхъ народностей, занимающихъ ту или иную ея часть.

Пока всѣ народности пра-пермской группы были совершенно невѣдомы Новгородцамъ, до тѣхъ поръ онѣ были для нихъ сплошной странной, непонятной, чудной массой, проживавшей за Волокомъ, и они получали отъ Новгородцевъ наименованіе Заволоческой Чуди. Но по мѣрѣ ознакомленія съ ними терминъ Чудь сталъ употребляться все рѣже и рѣже: появились названія Емь, Пермь, Печера и Югра тамъ, гдѣ прежде была сплошная Чудь, и слово это стало лишь родовымъ названіемъ для племенъ пра-пермской группы.

Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что Чуди—никогда и не существовало, что терминъ Чудь есть лишь результатъ малаго знакомства русскихъ съ народностями, которыя встрѣтились имъ и дали отпоръ на сѣверѣ Россіи. Чудь—слово русское: такъ не называли себя народности сѣвера Россіи. Изученіе ихъ быта, ихъ жизни, ихъ языка говоритъ за то, что съ исконныхъ временъ—сѣверъ былъ обитаемъ предками современныхъ зырянъ, пермяковъ и вотяковъ.

Выйдя въ доисторическое время изъ Азіи, этой колыбели народовъ, народы пра-пермской группы, составлявшіе вначалѣ одно племя, двинулись на западъ и осѣли впервые тамъ, гдѣ на дорогѣ ихъ выросло препятствіе для дальнѣйшаго передвиженія въ видѣ „Камени“, какъ назывались прежде Уральскія горы. Осѣвши здѣсь на берегахъ Оби, они дали названія цѣлому ряду урочищъ—городовъ, селеній и рѣкъ. Однако съ теченіемъ времени жизненныя условія перебросили ихъ черезъ Уральскій хребетъ. Быть можетъ, среди этихъ жизненныхъ условій игралъ роль напоръ новыхъ чело-вѣческихъ волнъ, лившихся изъ нѣдръ Азіи, съ Алтая, быть можетъ, и поиски лучшаго будущаго..

Переваливъ Уралъ, эти племена вновь осѣли и вновь дали названія нѣмой до того времени картѣ Европы. Они неудержимо шли впередъ, занимая все то пространство, границы котораго я намѣчалъ выше. Весьма вѣроятно, что часть ихъ перешла въ предѣлы нынѣшней Финляндіи, потому что сравнительное языковѣднѣе установило родственность языка финскаго съ языками народностей пр-пермской группы. Расселившись по всѣму сѣверу, они дождались того момента, когда славяне пошли изъ Новгорода на востокъ и на сѣверо-востокъ Россіи.

Встрѣтивъ на своемъ пути народы финскіе и пермскіе, Новгородцы, которыхъ вели сюда экономическіе интересы, пожелали, разумѣется, воспользоваться естественными богатствами, находившимися въ обладаніи этихъ народностей, и попытались, покоривъ ихъ, обложить ихъ данью въ пользу Великаго Новгорода. Эти попытки въ большинствѣ случаевъ удавались, такъ какъ на сторонѣ Новгорода была и организанія, и техника, а „печальные пасынки природы“ были вооружены развѣ только дрекольемъ и стрѣлами и противостояли Новгородцамъ обособлемо другъ отъ друга...

Такъ совершилось превращеніе всего Заволочья въ вотчину Господина Великаго Новгорода. вмѣстѣ съ тѣмъ потокъ новгородской колонизаціи положилъ предѣлъ дальнѣйшему движенію племень пермской группы на югъ точно такъ же, какъ такой же предѣлъ они встрѣтили въ движеніи на сѣверъ соперницы Новгорода—Москвы. Потокъ новгородской колонизаціи шель за волокъ въ предѣлы нынѣшнихъ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерній, потокъ московской колонизаціи шель по р. Камѣ на Пермь Великую и Вятскую губерніи и не позволилъ народностямъ, стиснутымъ съ юго-запада Новгородомъ, перекочевать вдоль Урала и Камы къ югу по давнишнему пути изъ Югры къ Хозарамъ и Булгарамъ.

Русская колонизація положила предѣлъ движенію и разселенію пермской группы народностей. Они оказались прикованными къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ мы видимъ ихъ и понынѣ, оказались въ желѣзномъ кольцѣ русскихъ поселеній: растекаться стало некуда.

Періодъ первоначальной исторіи закончился.

Вл. Трапезниковъ.

